

**И. КАНТ
В РАЗГОВОРАХ И РАЗМЫШЛЕНИЯХ
Н.Н. СТРАХОВА**

**П. А. Ольхов¹, Е. Н. Мотовникова²,
Л. Е. Кускова¹**

Вопрос о том, какое место занимали философские идеи Канта в размышлениях русского философа Н. Н. Страхова, остается недостаточно исследованным. Материалом для историко-философской реконструкции специфики рецепции Страховым философии Канта послужили каталог домашней библиотеки русского мыслителя, его эпистолярное наследие и философские труды. Среди собеседников Страхова были не только философы и естествоиспытатели, но и писатели — Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. А. Фет, во многом определившие культурно-смысловой горизонт своей эпохи. В многолетней переписке с двумя последними у Страхова оформлялся и развивался собственный образ Канта как мыслителя, без виртуального диалога с которым не может быть выстроена ни одна современная философская система. Рефлексия Страхова о кантовском стиле мышления, принятие им кантовского критицизма в качестве исковой модели эпистемологического анализа во многом определили особенности его собственного философского творчества, а также стали катализатором возобновления в России интереса к кантовской философии в последней трети XIX в.

Ключевые слова: Кант, Н. Н. Страхов, критическое мышление, эпистемология, сфера разговора

ВВЕДЕНИЕ

При глубоком пересмотре истории русской философии важнейшую роль играет уточнение идейных истоков наследия заново открыва-

¹ Институт логики, когнитологии и развития личности, Россия, 129110, Москва, просп. Мира, д. 70А, корп. 2, оф. 41.

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85.
Поступила в редакцию: 26.08.2023 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-4

**IMMANUEL KANT
IN THE CONVERSATIONS
AND REFLECTIONS
OF NIKOLAY STRAKHOV**

**P. A. Olkhov,¹ E. N. Motovnikova,²
L. E. Kuskova¹**

The place occupied by Kant's philosophical ideas in the reflections of the Russian philosopher, Nikolay Strakhov, needs further study. The material for a historical-philosophical reconstruction of Strakhov's reception of Kant's philosophy is the Russian thinker's home library catalogue, his correspondence and his own philosophical works. Among Strakhov's interlocutors were not only philosophers and natural scientists, but also writers, including Fyodor Dostoevsky, Leo Tolstoy and Afanasy Fet, who in many ways determined the cultural and intellectual horizon of the epoch. The many years of correspondence with the last two writers went a long way to shape and develop Strakhov's perception of Kant as a thinker. Indeed, without a virtual dialogue with Kant no modern philosophical system can be built. Strakhov's reflections on the Kantian style of thinking, adoption of Kantian criticism as the model of epistemic analysis in many ways determined the features of his own philosophical work and became a catalyst of renewed interest in Russia in the Kantian philosophy in the last third of the nineteenth century.

Keywords: Kant, Nikolay Strakhov, critical thinking, epistemology, the sphere of conversation

Introduction

Of key importance for a profound review of the history of Russian philosophy is the question of the ideological sources of the rediscover-

¹ Institute of Logic, Cognitive Science and Personal Development.

70A — 2, office 41, prosp. Mira, Moscow, 129110, Russia.
² The National Research University "Belgorod State University" (BelSU).

85 Pobedy st., Belgorod, 308015, Russia.
Received: 26.08.2023.

doi: 10.5922/0207-6918-2023-4-4

емых русских философов XIX в. и их концептуальных связей с европейскими классиками. Находясь к ним гораздо ближе во времени и пространстве, владея языками первоисточников и имея возможность непосредственно участвовать в становлении репутаций ведущих немецких философов, российские мыслители зачастую относились к их идеям гораздо органичнее, прямее, диалогичнее, чем мы, современные исследователи. Николай Николаевич Страхов (1828–1896) оставил обширное философское наследие, на которое не в последнюю очередь повлиял великий кантианский переворот с его «освобождением мышления» от всякого внешнего диктата и, соответственно, принятием полной ответственности за направление, методологию и результаты мышления. Так понимая и принимая огромность задач рационального научного и философского познания, Страхов глубоко огорчился позитивистским тенденциям современного ему общего направления развития научного познания, снижению уровня поднимаемых вопросов и задач, отказу ученых от стремления к постижению мира как целого. Фактически все философское, научное и литературно-критическое творчество Страхова, его знаменитый талант понимания можно рассмотреть в рациональном аспекте (разумеется, не забывая, но оставляя на время в стороне его субъективный талант, интуицию и тонкий эстетический вкус) как реализацию кантовских установок на аналитическое прояснение представлений и образов, рассудочных понятий, научно развитых категорий и синтетическое схватывание лежащих в их основании идей, идеалов и того, что вскоре после смерти Страхова было категоризировано неокантианской философией в понятии «ценностей».

Вопрос о присутствии Иммануила Канта в разговорах и размышлениях Страхова относится к числу малопроясненных³. Между тем необходимость его исследования все интенсив-

ered nineteenth-century Russian philosophers' legacy and their intellectual links with European classics. Being much closer to them in time and space, knowing the languages of the primary sources and having an opportunity to be directly engaged in the building of the reputations of leading German philosophers, Russian thinkers perceived their ideas often much more organically, directly and dialogically than we modern researchers. Nikolay Nikolayevich Strakhov (1828–1896) left a large philosophical legacy. One of the major influences on this was the great Kantian revolution with its “emancipation of thought” from any external dictate and, accordingly, acceptance of full responsibility for the direction, methodology and results of thinking. With this perception of the vastness of the tasks of rational scientific thinking and philosophical knowledge, Strakhov was deeply chagrined by the positivist trends in the development of scientific cognition, the falling level of the questions and tasks and the scientists' abandonment of the ambition to understand the world as a whole. In fact, the entire work of Strakhov as a philosopher, scientist and literary critic, his famous talent for “understanding” can be seen rationally (without of course forgetting, but temporarily setting aside his individual talent, intuition and fine aesthetic taste) as implementation of the Kantian principles of analysis of representations and images, rational concepts, scientific categories and synthetic capturing of their underlying ideas, ideals and what would shortly after Strakhov's death be categorised by Neo-Kantian philosophy as “values”.

The question of the presence of Immanuel Kant in Strakhov's conversations and reflections is little studied.³ And yet the study

³ Одно из первых исследований об этом см.: (Мотовникова, Ольхов, 2015).

³ One of the first studies of this is by Motovnikova and Olkhov (2015).

нее дает о себе знать в современной архивной и исторической эпистемологии русской мысли. Бесспорно присутствие авторитетной диалогической позиции Страхова в философских построениях Ф. М. Достоевского, А. А. Фета, Л. Н. Толстого и других крупных русских литераторов XIX в. Даже поверхностный обзор материалов, свидетельствующих об этой позиции, позволяет заметить, что Страхов был «доверенным лицом» философии в почвенно ориентированных журналах «Время» и «Эпоха» братьев Достоевских, в публичной понимающей критике «Преступления и наказания», «Войны и мира», в долговременной частной переписке и т.п. Эта позиция творчески отражалась в литературно-художественных произведениях Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Д. И. Стахеева и др., иронизировалась В. П. Бурениным, делала возможной карнавальную полемику с В. С. Соловьевым, становилась условием продолжительной и основательной дискуссии о доктринальных настроениях в нарождавшейся философии науки (о Дарвине и дарвинизме, спиритуализме, материализме) и во многих других интеллектуальных контекстах. Однако собственно эпистемологические камертоны диалогического начала размышлений и разговоров «всепонимающего философа» (по меткому слову Ап. Григорьева), круг *ego* доверенных лиц в философии остаются пока на периферии исследовательского внимания. Предварительно ясно, что к числу этих лиц относятся Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. В. Ф. Гегель, А. Шопенгауэр и другие, но, пожалуй, в первую очередь — И. Кант.

Образ Канта в высказываниях Страхова событиен: не располагая авторским обобщением, мы постоянно встречаем его в некоторой исторической и диалогической динамике мышления Страхова. Задаваясь вопросом о герменевтической реконструкции этого образа, необходимо прояснить собственные установки русского мыслителя, смысловую определенность его диалогической воли — интерпретативных целей, стилистических особенностей воспри-

of this question is an increasingly felt need in modern archive and historical epistemology of Russian thought. Strakhov's authority as an important interlocutor of Fyodor Dostoevsky, Afanasy Fet, Leo Tolstoy and other major nineteenth-century Russian writers is not in question. Even a cursory look at the relevant materials shows that Strakhov was "a trusted philosopher" in the Dostoevsky brothers' nationally oriented journals "*Vremya*" ("The Time") and "*Epokha*" ("The Epoch"), in the perceptive public critique of *Crime and Punishment* and *War and Peace*, in long-lasting private correspondence etc. His role here was creatively reflected in the works of Dostoevsky, Tolstoy, Dmitry Stakheyev and others, prompted ironic remarks by Victor Burenin and a carnival-like polemic with Vladimir Solovyov and supported a lasting and thorough discussion on doctrinal sentiments in the nascent philosophy of science (about Darwin and Darwinism, spiritualism, materialism) and in many other intellectual contexts. However, the epistemological features of the dialogic reflections and conversations of the "all-understanding philosopher" (as he was aptly called by Apollon Grigoryev), the circle of *his* trusted philosophers — these are issues largely waiting to be researched. At this point we can safely say that this circle included Descartes, Spinoza, Hegel, Schopenhauer and others, but above all Kant.

The image of Kant in Strakhov's utterances is event-related: not having the author's generalised assessment, we constantly come across Kant in the historical and dialogic dynamics of Strakhov's thought; in attempting a hermeneutic reconstruction of his image we cannot do without looking at Strakhov's own position, the direction of his dialogic will, the goals of his interpretations and the stylistic features of his perception and re-interpretation of Kant's

ятия и перетолкования кантовских трудов, меры согласия Страхова с теми методологическими ограничениями, которые содержали философские подходы Канта.

Домашняя библиотека Н. Н. Страхова

В качестве некоторой внешней точки отсчета в исследовании кантианы Страхова вполне можно избрать его домашнюю библиотеку — «уникальное явление в истории русского (и мирового) библиофильства» (Николаев, 2010, с. 388)⁴. Один из самых крупных книжных коллекционеров России и усердный ученый-энциклопедист, Страхов отчетлив и последователен в своем интересе к Канту и кантианским мотивам современной ему русской словесности. В его собрании присутствуют прижизненные немецкие издания 1780–1790-х гг.: три «Критики» (причем «Критика чистого разума» в первом и втором изданиях), «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного», «Спор факультетов», «Метафизика нравственности» (два издания, кёнигсбергское и рижское), «Метафизические начала естествознания», трактаты на нравственные и политические темы и мелкие работы Канта. Также в библиотеке Страхова имелись лекции по философии религии (*Vorlesungen über die philosophische Religionslehre*, издание 1834 г.) и, наконец, немецкие издания 1870–1880 гг., в том числе новые издания трех «Критик». В плотном «кантианском» библиотечном ряду — книги Куно Фишера (первые четыре тома его «Истории новой философии» Страхов перевел и опубликовал), в том числе «Жизнь Канта и основы его учения» (*Kant's Leben und die Grundlagen seiner Lehre*, 1860) и «Критика кантианской философии» (*Kritik der kantianischen Philosophie*, 1883).

⁴ Перечень книг домашнего собрания Страхова, переданного библиотеке Санкт-Петербургского Императорского университета в 1897 г., после его смерти, насчитывает 5853 пункта (без учета дублетов и журналов). См. п. 5377–11230, раздел «Из книг Ник. Ник. Страхова», в документе: (Рукописный инвентарь..., 1897).

works. We must also consider the degree to which Strakhov agrees with the methodological restrictions implied by Kant's philosophical positions.

Strakhov's Home Library

A fitting external reference point in the study of Strakhov's *Kantiana* is his home library, "a unique phenomenon in the history of Russian (and world) bibliophilism" (Nikolayev, 2010, p. 388).⁴ One of the most important book collectors in Russia and a diligent encyclopedic scientist, Strakhov had an abiding interest in Kant and Kantian motives in the Russian literary scholarship of his time. His collection features works by German authors published in their lifetime in the 1780s and 1790s: the three *Critiques* of Kant (including the first and second editions of the *Critique of Pure Reason*, *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime*, *The Contest of Faculties*, *Metaphysics of Morals* (two publications, Königsberg and Riga), *Metaphysical Foundations of Natural Science*, treatises on moral and political topics and minor works; lectures on the philosophy of religion (*Vorlesungen über die philosophische Religionslehre* (1834)) and finally German publications of the 1870s–1880s, including new publications of the three *Critiques*. The tightly packed row of Kantian books comprises books by Kuno Fischer (Strakhov translated from German and published the first four volumes of his *History of Modern Philosophy*) and includes *Kant's Leben und die Grundlagen seiner Lehre* (1860) and *Kritik der kantianischen Philosophie* (1883). Strakhov's home library also contained the works of Wilhelm Traugott Krug, a supporter of crit-

⁴ The list of books in the home collection, passed to the Library of St. Petersburg Imperial University in 1897 after Strakhov's death, includes 5853 items (not counting doubles and journals). See no. 5377-11230, section "From the Books of Nik. N. Strakhov" in the document: *Rukopisnyj inventar* (1897).

Укажем также на то, что в домашней библиотеке Страхова были и работы сторонника критической философии в меру ее «здорового смысла» Вильгельма Трауготта Круга, занявшего кафедру философии в Кёнигсберге сразу после смерти Канта: «История древней философии» (*Geschichte der Philosophie alter Zeiten*, 1815), «Система теоретической философии» (*System der theoretischen Philosophie*, 1819), «Фундаментальная философия» (*Fundamentalphilosophie*, 1819), «Система практической философии» (*System der praktischen Philosophie*, 1819) и «Общий словарь философских наук» (*Allgemeines Wörterbuch der philosophischen Wissenschaften*, 1832).

Примечательно, что в русской, куда более скромной, части кантовской библиотечной коллекции Страхова нашел свое место первый опыт воссоздания понятийного языка Канта в русском языковом пространстве — «Кантово основание для метафизики нравов» (1803), переведенное Я. А. Рубаном, а также перевод на русский «Критики чистого разума» М. И. Владиславлева (1867). Здесь же публичные лекции А. Д. Путяты «Кантовские и антикантовские идеи о звездных системах» (1881), «Философия Канта» В. Виндельбанда (1895)⁵, «Критический обзор последнего периода германской философии» М. И. Каринского (1873), «Философский рационализм новейшего времени, критически рассмотренный профессором Карповым» (1860). Уместно вспомнить и о представленном в библиотеке Страхова собрании книг неокантианца А. И. Введенского: «К вопросу о строем материи» (1890), «О пределах и признаках одушевления: Новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики» (1892), «О видах веры в ее отношениях к знанию» (1894).

⁵ Эта книга приобретена Страховым в последний год его жизни, когда он, зная, что умирает от рака, торопился закончить работу над последней книгой философских очерков и, однако, счел нужным пополнить свое собрание. Можно предположить, что среди прочего в этой книге Страхова привлекла довольно обширная библиография: «Издания сочинений Канта», «Переводы сочинений Канта», «Литература о Канте» (Виндельбанд, 1895, с. 189 — 202).

ical philosophy to the extent of its “common sense” who occupied the chair of philosophy in Königsberg after Kant’s death: *Geschichte der Philosophie alter Zeiten* (1815), *System der theoretischen Philosophie* (1819), *Fundamentalphilosophie* (1819), *System der praktischen Philosophie* (1819) and *Allgemeines Wörterbuch der philosophischen Wissenschaften* (1832).

It is noteworthy that the far more modest Russian part of Strakhov’s Kantian collection includes the first attempt to recreate the Kantian conceptual language in Russian, i.e. Kant’s *Groundwork of the Metaphysics of Morals* (1803), translated by Yakov Ruban, and a Russian translation of the *Critique of Pure Reason* (1867) by Mikhail Vladislavlev. Side by side with the above are the public lectures of Aleksandr D. Putyata *Kantian and Anti-Kantian Ideas about Stellar Systems* (1881), *The Philosophy of Kant* by Wilhelm Windelband (1895),⁵ *A Critical Review of the Latest Period of German Philosophy* by Mikhail Karinsky (1873), *Philosophical Rationalism of the Modern Time Critically Examined by Professor Karpov* (1860); the library also contains a collection of books by the Neo-Kantian Aleksandr Vvedensky: *On the Question of the Structure of Matter* (1890), *On the Limits and Signs of Animation: The New Psycho-Physiological Law in Connection with the Question of the Possibility of Metaphysics* (1892) and *On Types of Faith in its Relations to Knowledge* (1894).

The content of Strakhov’s home library suggests that he was interested in some aspects of Kant’s philosophy: first of all, the problems of transcendental aesthetics, the philosophy of science and categorial conditions of the pos-

⁵ Strakhov bought the book in the last years of his life when, knowing that he was dying from cancer, he raced against time to finish his last book of philosophical essays, and yet felt that he needed to add to his collection. It is also possible that Strakhov was attracted by the book’s extensive bibliography: “Publications of Kant’s Works”, “Translations of Kant’s Works”, “Literature about Kant” (Windelband, 1895, pp. 89-202).

По составу домашней библиотеки Страхова легко заметить, что его интересует философия Канта в нескольких основных аспектах: прежде всего проблемы трансцендентальной эстетики, философии науки и категориальные условия возможности истории, а также вопросы, связанные с различными сферами морально-религиозного опыта и, что менее явно, пропедевтикой языка и понятийной структурой мышления Канта, в прояснении которой нуждались собеседники Страхова и он сам.

Эпистолярные разговоры с Л. Н. Толстым и А. А. Фетом

Разумеется, домашней библиотекой дело не ограничивалось; но «подсобный фонд» вполне красноречив, и он находит свои соответствия в переписке Страхова с разными корреспондентами, в том числе прежде всего с Л. Н. Толстым. Следуя за этой перепиской, можно предположить, что вплоть до середины 1880-х гг. (большую часть своей жизни) Страхов был более внимателен к глубинам чистого разума, разбору «построений человеческого ума», которые давали о себе знать в философии И.-Г. Фихте и Ф.-Й. Шеллинга, а прежде — у Б. Спинозы в перспективе «чистейшей мистики»: «Я давно ношусь с мыслью написать эти свои сближения, напр., показать, что Гегель и Спиноза были мистики, и что мистика есть нечто, не смутное и неопределенное, как всегда понимают, а, напротив, самое ясное и чистое, так что к ней приходит всякое строгое мышление» (Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов..., 2003, с. 756)⁶. Еще в

⁶ Ср.: «У одного Гегеля нельзя было различить двух периодов: слишком цельный был ум; но его вообще рассматривают как пантеиста чуть не в материалистическом духе, тогда как он есть чистейший мистик и совпадает с Баадером, Мейстером Экгардом, Ангелом Силезским» (Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов..., 2003, с. 756). В этом же письме (осень 1887 г.) Страхов в ответ на восхищенное рассуждение Л. Н. Толстого, открывшего для себя «Критику практического разума», пишет: «Должен признаться, что *Критики Практического разума* я не читал, но знаю ее содержание

sibility of history, the issues concerning various spheres of moral-religious experience and, less obviously, the propedeutics of language and the conceptual structure of Kant's thought, which both Strakhov and his interlocutors needed to clarify.

Epistolary Conversations with Leo Tolstoy and Afanasy Fet

Needless to say, things were not limited to the home library; but the “auxiliary stock” is telling, as witnessed by Strakhov's correspondence with different penfriends, including the most sizeable one with Tolstoy. Following the correspondence, it is fair to assume that up until the mid-1880s (for most of his life) Strakhov was more interested in the depths of pure reason, in unpicking from the perspective of “pure mysticism” “the structures of the human mind” which were in evidence in the philosophies of Fichte and Schelling and earlier in Spinoza: “I have long been nursing the idea of writing about these similarities, for example, showing that Hegel and Spinoza were mystics, and that mysticism is not something vague and uncertain, as it is always thought, but on the contrary, something very clear and pure, such that all rigorous thinking arrives at it” (Donskov, *et al.*, 2003, p. 756).⁶ As early as 1876 Strak-

⁶ Cf.: “Only in Hegel one could not tell the two periods: he had a mind all of a piece; but then he is in general considered to be a pantheist almost in the materialistic spirit. Whereas he is a mystic pure and simple and is like Baader, Eckhart and Angelus Silesius” (Donskov, *et al.*, 2003, p. 756). In the same letter of the fall of 1887 Strakhov, responding to Tolstoy's excitement at discovering for himself the *Critique of Practical Reason*, writes: “I have to admit that I have not read the *Critique of Practical Reason*, but I know its content from others, for example, from the detailed rendering of Kuno Fischer. The turn Kant makes here is of course highly important; but, as you write, it is usually ignored” (*ibid.*). It is a turn toward mysticism, “a pure form of religion”, which “cannot be learned, it can only be acquired through life. Meanwhile man's mind is so cluttered with his own constructs that the German philosophers struggled to

1876 г. Страхов поделился с Толстым планами статьи о пространстве, в которой предполагал поставить под вопрос эмпирический характер познания пространства и доказать его априорность в духе кантовской «готовой формы» (Там же, с. 285). В это же время Страхов размышляет о целеполагании философских исследований «из себя», из *cogito, ergo sum*: «...это все-таки то, что я называю субъективизмом. К чему мы должны прийти, делая себя меркою существующего? К тому, чтобы признать все существующее однородным с нами и нам подобным. Исходная точка здесь определяет все дальнейшее, и мы, беспрестанно стремясь к выходу, никогда не найдем его. Что мы положим сначала, то самое вынем при конце» (Там же, с. 256)⁷.

Последняя реплика о Канте в этой переписке — за Толстым в ответ на размышление Страхова о некотором мистичном фелъетонизме Ф. М. Достоевского:

Вы говорите, что Достоевский описывал себя в своих героях, воображая, что все люди такие. И что ж! результат тот, что даже в этих исключительных лицах не только мы, родственные ему люди, но иностранцы узнают себя, свою душу. Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее. — Не только в художественных, но в научных философских

по чужим изложениям, например, по подробному изложению у Куно Фишера. Тот поворот, который тут делает Кант, конечно, важен в высшей степени; но обыкновенно, как Вы и пишете, его оставляют без внимания» (Там же). Это именно поворот в сторону мистики, «чистой формы религии», которой «нельзя научиться, ее можно только выжить, приобрести жизнью. А человеческий ум так загроможден своими собственными построениями, что немецкие философы, как ни работали, не пробились сквозь них, да, кажется, сами же подбавили новых построений» (Там же, с. 757). Ответ Л. Н. Толстого: «Как хорошо и верно все, что вы пишете о Канте и мистиках! Как бы хорошо было написать об этом. Заждающиеся оставили камень, кот[орый] должен быть во главе угла» (Там же, с. 763).⁷ В поздней незаконченной работе «О времени, числе и пространстве» (Страхов, 1906) он уточняет эпистемологические границы времени и пространства как «геометрических метафор» априорных форм чувственности — вполне в соответствии с теми планами, которыми он делился с Л. Н. Толстым.

hov shared with Tolstoy his plan of an article about space, in which he proposed to call into question the empirical character of cognition of space and prove its *a priori* character in the spirit of the Kantian “ready form” (*ibid.*, p. 285). At the same time Strakhov muses about the teleology of philosophical studies “from within oneself”, from *cogito, ergo sum*: “[...] this is, after all, something I call subjectivism. Where are we going to end up if we make ourselves the measure of all things? Concluding that all that exists is homogenous with us and like us. The starting point here determines all that follows and, we, constantly seeking the way out, will never find it. What we put in we will take out in the end” (*ibid.*, p. 256)⁷.

The final remark about Kant in the correspondence belongs to Tolstoy replying to Strakhov’s reflections about a mystical strain in Dostoevsky’s feuilletonism:

You say that Dostoevsky described himself in his characters, imagining that all people are like that. And what do we have? The result is that even in these exceptional people not only we, who are akin to him, but foreigners recognise themselves, their soul. The deeper you scoop the more you find what is common, familiar, near and dear. — Not only in fiction, but in scholarly works, however hard he may try to be objective — be he Kant or Spinoza — we see, I see only the soul, mind and character of the writer (Donskov, *et al.*, 2003, p. 913).

Thus we see the resonance and dissonance of the poetics of the life of Tolstoy, seen anthropologically as “the writing human being”, and

break through them, but seem to have merely added more new constructs” (*ibid.*, p. 757). Tolstoy’s reply: “All that you write about Kant and the mystics is so good and true. It would be a great idea to write about it. The builders have left a stone which must be turned into a corner stone” (*ibid.*, p. 763).

⁷ In a late unfinished work “On Time, Number and Space” Strakhov (1906) defines the epistemological boundaries of time and space as “geometrical metaphors” of *a priori* forms of sensibility, quite in line with the plans he was sharing with Tolstoy.

сочинениях, как бы он ни старался быть объективен — пускай Кант, пускай Спиноза, — мы видим, я вижу душу только, ум, характер человека пишущего (Там же, с. 913).

Так перекликаются и не совпадают друг с другом поэтика жизни Толстого, взятая относительно антропологической точки «человека пишущего», и онтологическая поэтика жизненной глубины мышления, которую стремился прояснить Страхов⁸.

Вторая долговременная переписка, которая позволяет прояснить размышления Страхова о Канте, состоялась с А. А. Фетом. В 1877 г. Фет решился переводить «Критику чистого разума», зная заранее,

что это труд громадный. Но этой-то стороной он мне и улыбается. — Куплю я себе существующие к нему объяснения и стану работать. Мысль перевести его родилась у меня из желания его изучить. Уж лучше этого приема трудно придумать. Почему же не сделать так, чтобы следы моего изучения остались на пользу и другим — желающим? Конечно, мне торопиться некуда. Но подъедете Вы и взгляните — так ли идет дело или криво. Я бы желал для читателей снабдить перевод рядом примеров, для уяснения терминологии (Переписка, 2011, с. 247)⁹.

Фет советуется со Страховым, потому что последний перевел четыре тома «Истории новой философии» Фишера (в том числе том IV о Канте «Учение критической философии. — Система чистого разума»), а также был переводчиком иных текстов научно-философского и естественно-научного характера, опытным редактором «Времени», «Эпохи», «Зари» и других журналов. Фета в немалой степени интере-

the ontological poetics of deep thought which Strakhov sought to explain.⁸

The second long-lasting correspondence which offers insights into Strakhov's reflections on Kant was with Afanasy Fet. In 1877 Fet decided to translate the *Critique of Pure Reason*, knowing in advance that:

this is a daunting task. But this is what appeals to me. I shall buy the existing explications and get down to work. The idea to translate it was prompted to me by my wish to study him. One can hardly find a better method. Why not make the traces of my study useful to others, those who wish to use them? Of course, I am in no hurry. But when you come over take a look to see if I am doing it right. I would like, for the benefit of the readers, to provide some examples to clarify the terminology (Generalov, 2011, p. 247).⁹

Fet sought Strakhov's advice because the latter had translated four volumes of Fischer's *History of Modern Philosophy* (including Volume 4 on Kant, entitled "On Critical Philosophy — System of Pure Reason"), as well as other scientific-philosophical and natural science texts and had extensive experience editing "Vremya", "Epokha", "Zarya" ("Dawn") and other journals. Fet was also interested in Kant as an intelligent writer, a paragon of philosophical writing, and Strakhov's response chimed with his main creative interest:

There is no need to translate the *Critique* first, because it has been translated, by Vladislavlev, the local professor, and published back in 1867. The translation is very good, though not, of course, exemplary. Second, if you want my opinion, I would not like to see you working

⁸ О рецепции кантовской философии в творчестве Л. Н. Толстого см.: (Круглов, 2012, с. 122–159).

⁹ Теме «Кант и Фет» посвящена часть главы о Толстом в книге А. Н. Круглова (Круглов, 2012, с. 124–126), а также монография Л. А. Калинникова (Калинников, 2016; о взаимоотношениях Страхова, Фета и Толстого см., в частности, с. 78–93).

⁸ On the reception of Kantian philosophy in the work of Leo Tolstoy, see Krouglov (2012, pp. 122-159).

⁹ A part of the chapter on Tolstoy in Alexey N. Krouglov's book is devoted to the topic "Kant and Fet" (Kruglov, 2012, pp. 124-126) as well as L. A. Kalinnikov's monograph (Kalinnikov, 2016; on the relationship between Strakhov, Fet and Tolstoy see, in particular, pp. 78-93).

сует Кант как умный писатель, этакий герой истории философской словесности, и Страхов возражает ему в тон его основному творческому интересу:

«Критику» не нужно переводить, во-первых, потому, что она переведена, именно Владиславлевым, здешним профессором, и издавна еще в 1867 г. Перевод очень хороший, хотя, конечно, не образцовый. А во-вторых, если хотите моего личного мнения, то я не хотел бы видеть Вас трудящимся над этою книгою. В сущности Кант — скептик, и притом глубочайший. Но так как скептицизм есть дело очень противное человеческой душе, то последователи Канта принялись быстро строить высокие здания на вновь расчищенном месте. Обыкновенно Канта и принимают за такого подготовителя следовавших за ним систем. Но Кант, взятый отдельно, ничем не уравновешенный, есть вопрос без ответа, сомнение без разрешения. Не лучше ли взять Шеллинга «Философию мифологии» и «Философию откровения»? Увы! Эта система, явившаяся в печати в 1856—58 годах, не имела никакого успеха — последняя великая система идеализма! Или не взять ли большую «Логiku» Гегеля (Там же, с. 248)?

Фет, как известно, отказался от замысла переводить Канта и предпочел в 1879—1880 гг. перевести «Мир как воля и представление» и в середине 1880-х — «О воле к природе» и «О четверном корне достаточного основания» А. Шопенгауэра. По мере своей переводческой работы он советовался со Страховым, который написал короткое предисловие к изданию фетовского перевода «Мира как воли и представления». Но их разговор о Канте продолжался; в том числе они обсуждали дихотомический стиль мышления Канта, которым увлекся и значение которого применительно к Канту преувеличил, поэтически вообразил и ограничил Фет. В февральском письме 1885 г. Страхов отмечает привычку Фета будто бы «на манер Канта» «разрубать мир на несколько отдельных областей» и «строго запрещать всякое единство»; однако

on this book. Kant is essentially a skeptic, and a very deep one. But since the human soul does not like skepticism Kant's followers promptly set about erecting all buildings on the newly-cleared space. Kant is usually seen as the man who prepared the ground for the systems following him. But Kant taken alone, not balanced by anything, is a question without an answer, doubt without resolution. Would it not be better to take Schelling's *Philosophy of Mythology* and *Philosophy of Revelation*? Alas! This system, which was published in 1856—58, had no success — the last great system of idealism! Or you might take Hegel's big *Logic* (*ibid.*, p. 248)?

Fet gave up the idea of translating Kant and chose instead to translate Schopenhauer's *World As Will and Representation* in 1879—1880 and *On the Will in Nature* and *On the Fourfold Root of the Principle of Sufficient Reason* in the mid-1880s, seeking counsel, as his translation work progressed, from Strakhov, who wrote a short foreword to Fet's published translation of *World As Will and Representation*. But their conversation about Kant continued; among other things, they discussed the dichotomy-based style of Kant's thinking which carried away Fet who exaggerated its importance for Kant, poetically imagined and limited it. In a February 1885 letter Strakhov refers to Fet's habit of "cutting the world into several separate areas, "like Kant" and "strictly forbidding any unity;" however :

This is a very good device for study, for logically following through a known point of view, but not for life. In reality everything is interconnected and something needs to be done to rise above division. There needs to be an area to which man can rise above the state, family, political economy and even art. However, art itself belongs to this area, only one needs to stick to art's real meaning and explaining this meaning is the task of the critic at which artists usually scoff, and so do you as a born poet (*ibid.*, p. 392).

это очень хороший прием для изучения, для логического исчерпывания известной точки зрения, но — не для жизни. В действительности все связано, и каким-нибудь приемом нужно же подняться над разделением. Нужна область, в которую человек может подняться над государством, над семьей, над политической экономией и даже над искусством. Впрочем, искусство принадлежит именно к этой области, но нужно лишь в самом искусстве держаться его настоящего смысла, и объяснение этого смысла и есть задача критики — на которую нередко фыркают художники, фыркаете и Вы, как урожденный поэт (Там же, с. 392).

В переписке Страхова и Фета содержится уточнение того исторического образа Канта, которому доверился Фет и которому, собственно, возразил Страхов, уточняя свой:

Еще Вы пишете, что «нет самобытного добра и зла, а оно только историческое»; но это ведь все равно, что сказать — «нет ни неизменной истины, ни лжи, а есть только истина и ложь историческая». Напротив, и истина и нравственность от века те же и от века доступны человеку. И вспомните, кто старался это доказать? Старался Кант, на которого Вы так любите ссылаться. Он нашел в уме твердые законы и в совести категорический императив. Но Вы берете Канта только с одной стороны, как берете и его последователя Шопенгауэра (Там же, с. 521).

Критическое мышление Н. Н. Страхова

Начала критического мышления Страхова часто имеют лишь косвенное отношение к Канту и его стилю мышления и нуждаются в комплексной герменевтической реконструкции. Их формирование происходило в различных научно-философских контекстах и сферах общения: от бесед в философских классах Костромской семинарии и переписки на непременном французском языке с наставником о. Нафанаилом до университетских разговоров, в которых Страхову претил поверхностный

The correspondence between Strakhov and Fet clarifies the historical image of Kant which Fet formed and to which Strakhov objected proposing his own:

You write that there is “no inherent good and evil, that it is only historical”; but this is the same as saying that “there is no immutable truth, or lies, but there is only historical truth and lies.” On the contrary, truth and morality are forever the same and are forever accessible to man. And do you remember who sought to prove it? It was Kant whom you like to cite so much. He found solid laws in the mind and the categorical imperative in conscience. But you look at Kant only from one side, like you look at his follower, Schopenhauer (*ibid.*, p. 521).

Strakhov's Critical Thinking

The origins of Strakhov's critical thinking are often only indirectly connected with Kant and his style of thinking and are in need of a complex hermeneutic reconstruction. They were formed in various scientific-philosophical contexts and communication spheres: from conversations in philosophical classes at the Kostroma Seminary and correspondence, invariably in French, with his mentor Father Nathanael, to university conversations in which Strakhov resented superficial nihilism and was drawn to the potential of rigorous thinking in the natural sciences; from the circles which discussed German philosophy and the “French” largely belletristic merriment of “*Svetovch*” to national sentiments and ironic semi-authorial masks in “*Vremya*”, “*Epokha*” and “*Zarya*”, from polemics with Pyotr L. Lavrov about practical philosophy and the avoidance of an argument with Maxim A. Antonovich about things that should not be argued about, to Kantian objections to Pamfil D. Yurkevich, from fruitful discussions on Western philosophy to carnivalesque polemics about the work of Nikolay Ya. Danile-

нигилизм и увлекали возможности строгого мышления в естественных науках; от кружков, в которых обсуждалась немецкая философия, и «французского» беллетристического, по преимуществу, веселья «Светоча» к почвенным умонастроениям и ироническим полуавторским маскам во «Времени», «Эпохе» и «Заре», от полемики с П. Л. Лавровым о практической философии и уклонения от спора с М. А. Антоновичем о том, о чем не следует спорить, к кантианским возражениям П. Д. Юркевичу, плодотворному общению о кризисе западной философии и карнавальной полемике по поводу труда Н. Я. Данилевского с В. С. Соловьевым, и далее к поздним работам, своего рода академическому завещанию, сохраняющему лишь толику иронии¹⁰... История критического мышления Страхова, в которой Кант занимает одно из наиболее существенных мест, еще только пишется. Ее начали писать внимательные к стилю страховского мышления младшие современники: В. В. Розанов, Ф. Э. Шперк, Ю. Н. Говоруха-Отрок, Н. Я. Грот, Александр И. Введенский и Алексей И. Введенский¹¹.

В «Главной черте мышления» (1866) Страхов прежде всего указывает на некоторую силу ума, которую стремился показать — и показал — Кант: «...ум имеет силу отличать в своих действиях истинное от ложного... быть сам себе судьей и предписывать самому себе, что делать и чего не делать» (Страхов, 1895, с. 113). Иными

вsky with Vladimir S. Solovyov, and further to his late works, a kind of academic testament with only a touch of irony...¹⁰ The history of Strakhov's critical thinking, in which Kant features prominently, is only being written now. A beginning was made by his style-conscious younger contemporaries Vasily V. Rozanov, Fedor E. Shperk, Yury N. Govorukha-Отрок, Nikolay Ya. Grot, Alexandr I. Vvedensky and Alexey I. Vvedensky.¹¹

In *The Main Feature of Thinking* (1866) Strakhov stresses the power of reason which Kant sought to demonstrate and did demonstrate: "[...] reason has the power to distinguish in its actions the true from the false [...] to be its own judge and prescribe to itself what to do and what not to do" (Strakhov, 1895, p. 113). In other words, the power of reason has an element of absolute value, is a kind of cognitive metaphor of the unpremiered start of thought activity. "Considering thought in its highest manifestation, we should say that it is absolutely free [...]. If it obeyed external laws it would have been a blind force whose products could not have claimed to be true" (*ibid.*, p. 112). Obviously, Strakhov, with some mystical-ontological sense of purpose, interprets the independence of Kantian "ideas" as "concepts of reason" "to which no object given in experience can be adequate. They are neither

¹⁰ В частности, книга Страхова «Об основных понятиях психологии и физиологии» (1886), в которой он сформулировал фактически феноменологическую концепцию сознания как чистой интенции субъективности, получила несколько серьезных положительных рецензий. Сам автор писал полусерьезно своим друзьям, что «за эту книгу меня следовало бы сделать доктором философии и членом Академии наук» (Переписка, 2011, с. 325, ср.: Там же, с. 423–424 и др.).

¹¹ После десятилетий забвения эту работу продолжили Н. П. Ильин (Мальчевский), В. А. Фатеев и разбуженные ими исследователи, о многочисленности которых на сегодняшний день говорит такой удивительный факт: по рейтингу посещений страницы (см.: <http://az.lib.ru/rating/hits/>) в электронной библиотеке «Собрание классики» (Lib.ru/Классика) за последний год Страхов обогнал А. И. Герцена.

¹⁰ For example, Strakhov's book *On the Main Concepts of Psychology and Physiology* (1886), in which he essentially formulated a phenomenological concept of consciousness as pure intention of subjectivity, garnered several serious positive reviews. The author himself half-jokingly wrote to his friends that "this book should have earned me the titles of Doctor of Philosophy and a member of the Academy of Sciences" (Generalov, 2011, p. 325, cf. *ibid.*, pp. 423–424 et al.).

¹¹ After decades of oblivion, this work was continued by M. P. Ilyin (Malchevsky), V. A. Fateyev and the researchers awakened by them, whose large number is attested by this striking fact: the rating of visits to Strakhov's page in the electronic library "Sobranie klassiki", or Lib.ru/Классика, during the past year has overtaken that of A. I. Herzen. See <http://az.lib.ru/rating/hits/>.

словами, сила ума заключает в себе момент абсолютной ценности, является своего рода когнитивной метафорой беспредпосылочного начала мыслительной деятельности. «Рассматривая мышление в высшем его проявлении, мы должны сказать, что оно абсолютно свободно... <...> Повинуясь внешним законам, оно было бы слепую силою, произведения которой не могли бы иметь притязания на значение истины» (Там же, с. 112). Очевидно, Страхов с некоторой мистико-онтологической нацеленностью истолковывает самостоятельность Кантовых «идей» как понятий разума, «адекватно которым не может быть дан ни один предмет в опыте. Они — не созерцания (как созерцания пространства и времени) и не чувства (которые ищет учение о счастье) — те и другие относятся к чувственности; идеи суть понятия о совершенстве, к которому можно все время приближаться, но полностью достигнуть которого невозможно» (AA 07, S. 199–200; Кант, 1994, с. 225). Тем самым, согласно Страхову, «мысль освободилась в Канте. Он нашел, что она может вполне владеть собою, сама собою управлять» (Страхов, 1895, с. 113).

Такое прояснение природы мышления, его нетривиального ценностно-освободительного начала предполагает, как это обосновывает Страхов, довольно отчетливое размежевание мышления и научного познания как различных практик целеполагания, и это влечет по крайней мере два следствия. Первое из них относится к деятельности собственно мышления: «...так или иначе, мы должны получить субъективную логику, то есть науку, в которой мысль опирается только на самую себя, в которой она излагает все свои законы и движения и дает абсолютный метод своего действия, заключающий в себе все другие методы как частные случаи. <...> То, что я назвал здесь субъективной логикой, есть так называемая диалектика» (Там же, с. 114). Второе показывает, что мышление всегда чье-то и какое-то и имеет речевую меру своей свободы и определенности:

intuitions (like those of space and time), nor feelings (like the doctrine of happiness looks for), both of which belong to sensibility. Ideas are, rather, concepts of a perfection that we can always approach but never completely attain” (Anth, AA 07, pp. 199-200; Kant, 2007, pp. 306-307). Thereby, according to Strakhov (1895, pp. 112-113), “thought became free in Kant. He has found that it can fully be itself, control itself”.

Such clarification of the nature of thought, as its non-trivial, value-liberating element implies, shows, according to Strakhov, a fairly clear dissociation of thought and scientific cognition as different practices of goal-setting, and this has at least two consequences. The first has to do with the activity of thought proper: “[...] in one way or another we must arrive at a *subjective logic*, that is, a science in which thought relies only on itself, in which it sets forth all its laws and movements and offers an absolute method of its action that contains all the other methods as particular cases. [...] What I have referred to as subjective logic is so-called *dialectics* (*ibid.*, p. 114). The second one shows that thought is always someone’s thought and some kind of thought and has a speech measure of its freedom and certainty:

[...] language, which appears with the first manifestations of thought, has a descriptive character, that is, the character of representations. Language is replete with images, such that the most abstract of words have a representational character. [...] We say, *the flow of thought, waves of soul* etc. We cannot avoid these expressions because the philosophical books which deal with the thinking of objects and not their representations, they too are written in the language of representations. Herein lies one of the difficulties of understanding them; in them the language of representations must express objects that cannot be represented (Strakhov, 2007, 383).

...язык, который является уже при первых явлениях мышления, имеет описательный характер, то есть характер представлений. Язык преисполнен образов, и самые отвлеченные слова по своему значению имеют смысл представительный. <...> Мы говорим — *течение* мыслей, *волнение* души и пр. Нам невозможно избежать этих выражений; потому и философские книги, в которых идет дело о мышлении предметов, а не об их представлении, и они пишутся языком представлений. В этом заключается одна из главных трудностей их понимания; в них язык представлений должен выражать не представляемые предметы (Страхов, 2007, с. 383).

В своей книге «Мир как целое», вышедшей первым изданием в 1872 г., а вторым — спустя ровно 20 лет, Страхов снова возвращается к специфике человеческого мышления: «...мысль не терпит принуждения; ей все позволено; для нее не существует дерзости или нескромности» (Там же, с. 381), в том числе мыслить представление в его связи с языком и его смысловой чистоте. С анализом представлений, находящихся в речевом единстве с понятиями и в силу своей познавательной, эмпирической первичности довлеющих над этими понятиями в научном познании, Страхов, собственно, и связывает освободительную перспективу «критики чистого разума»: «Представление, в известном смысле, есть простейшее и первоначальнейшее действие мышления; оно столь обыкновенно и столь ясно, что чаще всего его не замечают как особенное действие, — не считают его в числе других проявлений ума. Поэтому одна из величайших заслуг одного из величайших философов, именно Канта, состоит в анализе представления» (Там же, с. 378–379). Важно, что во «всей области естественных наук» дают себя знать представления о пространстве и времени, но «как о чем-то особенном» о них известно «только из языка». Между тем «язык, живая человеческая речь, строится внутренней силой народного смысла; в нем действуют глубокие философские начала. Поэтому в языке су-

In his book *The World as a Whole*, first published in 1872 (second edition 20 years later), Strakhov revisits the question of the special character of human thinking: “[...] thought does not tolerate coercion; for thought anything is allowed; nothing is bold or immodest” (*ibid.*, p. 381), — including the thinking of a representation in its connection with language and its semantic purity. Strakhov in fact associates the liberating perspective of the “critique of pure reason” with the analysis of representations in their speech unity with concepts which dominates these concepts in scientific cognition owing to their cognitive, empirical primacy: “Representation, in a certain sense, is the simplest and the most primary act of thinking; it is so ordinary and so clear that more often than not it is not noticed as an act, is not considered along with other manifestations of reason. That is why one of the greatest contributions of one of the greatest philosophers, Kant, is the analysis of representation” (*ibid.*, pp. 378-379). It is important that representations of space and time are present in “the whole sphere of natural sciences”, but we know about them “as something special” “only from language”. Meanwhile “language as living human speech draws on the inner strength of the popular mind; deep philosophical wisdom works within it. That is why language has such abstractions as space and time. The spirit of language allows of the question: what is time and space?” (*ibid.*, p. 380). And one thing more: “everybody knows space and time — this means only that everyone knows the representation; but the question demands from us not only that we represent them (which is easy and inevitable) but that we think them, and have a concept of them” (*ibid.*, p. 381).

The first Russian Neo-Kantian, Vvedensky (1896, pp. 6-8), saw the main philosophical impact of Strakhov’s work in that:

ществуют такие отвлечения, как пространство и время. По духу языка возможен вопрос, что такое пространство и время?» (Там же, с. 380). И еще: «все знают пространство и время — это значит только, что все их представляют; вопрос же требует не того, чтобы мы их представляли (что и легко и неизбежно), а чтобы мы об них мыслили, чтобы составили о них понятие» (Там же, с. 381).

Первый русский неокантианец А. И. Введенский видел основное философское значение работ Страхова в том, что

во всех своих философских сочинениях он ясно проводил и очень убедительно доказывал недостаточность одного естествознания для понимания мирового целого и необходимость пополнить естествознание изучением мышления, т.е. философией, и при том развивающейся на почве открытого Кантом критицизма. <...>

...Прислушиваясь к философским потребностям своего времени... он написал просто, но увлекательно изложенные, а потому всем и каждому доступные книги, сильнейшим образом возбуждающие мысль читателя, *принуждающие* его мыслить философски и трактующие о таких крупных вопросах, с размышления о которых почти все начинают свое философское развитие. <...> Он написал несколько книг, при помощи которых в России еще долгое время будут охотно начинать учиться мыслить и которые столь же долгое время будут считаться образцами философского изложения... (Введенский, 1896, с. 6–8).

Конкретный онтологизм критического мышления Страхова, в котором целое предстает как смысловое начало мышления и некоторое общее условие научного познания, не предполагает замкнутости; наоборот, его кантианство обнаруживает «широкий образ мышления, соотносящийся с понятиями других», и с этой точки зрения история наук и утешительна, и глубоко поучительна; она, собственно, есть история путей, по которым идет ум человеческий, и, изучая ее, мы изучаем вместе и основные прие-

In all his philosophical works he argued cogently and very convincingly that natural science alone was not sufficient for understanding the world whole and that natural science needed to be supplemented by the study of thinking, i.e. philosophy based on criticism discovered by Kant.

[...] sensitive to the philosophical needs of his time [...] he wrote in a simple and engaging manner books that reached out to each and everyone, powerfully provoking the reader's thought, *forcing* him to think philosophically and treating of such major questions, reflections on which mark the beginning of everyone's philosophical development. [...] He wrote several books which will long be readily used in Russia to start learning to think and will just as long be considered to be exemplars of philosophical discourse [...].

The concrete ontologism of Strakhov's critical thinking, in which the whole forms the meaning of thought and a general condition of scientific knowledge does not imply insulation; on the contrary, his Kantianism presupposes "a *broad* mode of thinking coherent with the concepts of others", and from that point of view the history of sciences is consoling and deeply instructive; it is in fact a history of the paths that lead human reason, so that by studying it we simultaneously study the methods of reason" (Strakhov, 2007, p. 316). In *The World As a Whole*, his main work on the philosophy of science, Strakhov sees as its main content not "the picture of the world", but "an analysis of the phenomena of nature and the doctrines of the natural sciences that shows that *the world as a whole* is the guiding idea in the study of nature, the idea toward which the correct development of science leads inevitably in each concrete case" (*ibid.*, p. 67). This scientific understanding, which goes beyond its purely cognitive boundaries, is open to the inexpressible in representation, the substantive image, which is not really reducible to scientific knowledge. Such is the state of maturing reason, the condition of

мы ума» (Страхов, 2007, с. 316). В качестве главного содержания своего основного труда по философии науки «Мир как целое» Страхов называет не «картину мира», а такой «анализ явлений природы и учений естественных наук, который показывает, что *мир как целое* есть главная руководящая идея в исследовании природы, та мысль, к которой необходимо приводит правильный ход науки в каждом частном случае» (Там же, с. 67). Это научное понимание, которое выходит на свои собственно познавательные границы, открывается невыразимому в представлении — тому смысловому образу, что к собственно научному познанию и не сводится. Таково состояние взрослеющего ума, условием которого является свободное Кантово дерзновение — предполагать в познании другой путь:

Без сомнения, каждый, кто с истинной жаждой знания предавался изучению опытных наук, не раз мечтал о решении вопросов самых глубоких, самых привлекательных для ума. Каково же бывает изумление, когда оказывается, что именно этих вопросов и не решают опытные науки, что в них нет даже никакого способа, никакой дорожки к такому решению. После многих и тяжелых усилий как не почувствовать горечи, когда мы видим, что приходится — или принимать за истину какую-нибудь *смелую гипотезу*, или же вовсе отказаться от решения, к которому мы стремились, и остаться в неведении. Так не лучше ли наперед знать, что принятая нами дорога не приведет нас к цели, и поискать другого пути? (Там же, с. 316).

Перечитывая страховские статьи и письма, прямо или косвенно отсылающие к Канту, трудно не прийти к выводу, что Н. Н. Страхов не только понял и оценил меру свободы мысли, открытой Кантом, постарался показать и объяснить эту силу философского трансцендентализма, но и стал одним из немногих, кто сумел проявить, продуктивно реализовать ее в

which is Kantian free daring in presupposing a different way in cognition:

Without any doubt, anyone who, driven by a genuine thirst for knowledge, surrendered him/herself to the study of experimental sciences, has often dreamt of solving the most profound and challenging questions. Imagine the surprise when it turns out that it is these questions that the experimental sciences do not solve, that they do not offer any method, any path toward such a solution. After numerous and arduous efforts one cannot help feeling distressed to see that one has either to take for the truth some *bold hypothesis* or to give up attempts at a sought-for solution and remain innocent. Would it not, then, be better to know in advance that the road we have chosen will not lead us to our goal and to look for another way? (*ibid.*, p. 316).

Re-reading Strakhov's books, articles and letters that hark back directly or indirectly to Kant it is hard not to conclude that Nikolay Strakhov did not only understand and appreciate the degree of thought freedom discovered by Kant and tried to demonstrate and explain the power of philosophical transcendentalism, but managed, like very few others, to effectively practise it in his own philosophical thinking, scientific cognition and literary criticism.

Acknowledgement. The research of P. A. Olkhov and L. E. Kuskova has been performed within the project supported by Russian Science Foundation № 23-28-01799 "Archive of the Epoch of N. N. Strakhov: Existential Contexts and Interdisciplinary Intersections".

References

Donskov, A. A., Gromova, L. D. and Nikiforova, T. G. eds., 2003. *L. N. Tolstoj – N. N. Strahov: polnoe sobranie perepiski* [L. N. Tolstoy – N. N. Strakhov: Complete Collection of Correspondence]: In 2 Volumes. Volume 1&2. Moscow: State Museum of L. N. Tolstoy; Ottawa. (In Rus.)

собственном философском мышлении, в научном познании и в литературно-художественной критике.

Благодарности. Исследование П. А. Ольхова и Л. Е. Кусковой выполнено в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РНФ, № 23-28-01844 «Архив эпохи Н. Н. Страхова: экзистенциальные контексты и междисциплинарные пересечения».

Список литературы

- Введенский А. И. Значение философской деятельности Н. Н. Страхова // Образование. 1896. № 3. Отд. II. С. 1–8.
- Виндельбанд В. Философия Канта: (Из истории новой философии Виндельбанда) / пер. с нем. Н. Платонова ; [предисл. Александра Введенского]. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1895.
- Калинников Л. А. Философско-поэтическое мировоззрение А. А. Фета. Влияние И. Канта и А. Шопенгауэра. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016.
- Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 7. С. 137–376.
- Круглов А. Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2012.
- Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов: полное собрание переписки : в 2 т. / сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова ; ред. А. А. Донсков. М. : Государственный музей Л. Н. Толстого ; Ottawa, 2003.
- Мотовникова Е. Н., Ольхов П. А. И. Кант в философских исследованиях Н. Н. Страхова (опыт эпистемологической ориентации) // Кантовский сборник. 2015. № 3 (53). С. 22–37. doi: 10.5922/0207-6918-2015-3-2.
- Николаев Н. И. Библиотека Н. Н. Страхова в свидетельствах современников // Шестые Страховские чтения: философские проблемы понимания в культуре и науке : материалы междунар. науч. конф., Белгород, 25–26 нояб. 2010 г. / отв. ред. Е. А. Антонов. Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. С. 388–394.
- Переписка с Н. Н. Страховым. 1877–1892 / вступ. ст., публикация и коммент. Н. П. Генераловой // А. А. Фет и его литературное окружение : в 2 кн. (Литературное наследство ; т. 103). Кн. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2011. С. 233–550.
- Generalov, N. P., ed. 2011. *Correspondence with N. N. Strakhov. 1877–1892*. In: T. G. Dinesman, ed. 2011. *A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie: v 2 kn. [A. A. Fet and His Literary Circle: In 2 Books]*. Book 2. Moscow: Institute of World Literature RAS, pp. 233–550. (In Rus.)
- Kalinnikov, L. A., 2016. *Filosofsko-poeticheskoe mirovozzrenie A. A. Feta. Vliyanie I. Kanta i A. Schopenhauera [Philosophical and Poetic Worldview of A. A. Feta. Influence of I. Kant and A. Schopenhauer]*. Kaliningrad: IKBFU Press. (In Rus.)
- Kant, I., 2007. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227–429.
- Krouglov, A. N., 2012. *Kant i kantovskaya filosofiya v russkoj hudozhestvennoj literature [Kant and Kantian Philosophy in Russian Fiction]*. Moscow: Kanon+; ROOI “Reabilitatsiya”.
- Motovnikova, E. N. and Olkhov, P. A., 2015. I. Kant in Nikolai Strakhov’s Philosophical Research (An Experience of Epistemological Orientation). *Kantian Journal*, 3(53), pp. 22–37. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2015-3-2>. (In Rus.)
- Nikolaev, N. I., 2010. Library N. N. Strakhov in the Testimony of His Contemporaries. In: E. A. Antonov, ed. 2010. *Shesty Strahovskie chteniya: filosofskie problemy ponimaniya v kul'ture i nauke: materialy mezhdunar. nauch. konf. [Sixth Strakhov Readings: Philosophical Problems of Understanding in Culture and Science. Proceedings]*. Belgorod: Belgorod State University Press, pp. 388–394. (In Rus.)
- Rukopisnyj inventar biblioteki Sankt-Peterburgskogo Imperatorskogo universiteta za 1897 g. [Manuscript Inventory of the Library of the St. Petersburg Imperial University for 1897]*. In: Scientific Library named after M. Gorky St. Petersburg State University, Department of Rare Books (special storage). (In Rus.)
- Strakhov, N. N., 1895. The Main Feature of Thinking. In: N. N. Strakhov, 1895. *Filosofskie ocherki [Philosophical Essays]*. St. Petersburg: Tip. br. Panteleevykh, pp. 100–122. (In Rus.)
- Strakhov, N. N., 1906. About Time, Number and Space. In: N. N. Strakhov, 1906. *Filosofskie ocherki [Philosophical Essays]*. Second Edition. Kyiv: I. P. Matchenko. pp. 405–414. (In Rus.)
- Strakhov, N. N., 2007. *Mir kak tseloe [The World as a Whole]*. Introduction and commentary by N. P. Ilyin. Moscow: Ayris-press; Ayris-didaktika. (In Rus.)

Рукописный инвентарь библиотеки Санкт-Петербургского Императорского университета за 1897 г. // Научная библиотека им. М. Горького СПбГУ, Отдел редких книг (специальное хранение).

Страхов Н. Н. Главная черта мышления // Страхов Н. Н. Философские очерки. СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1895. С. 100–122.

Страхов Н. Н. О времени, числе и пространстве // Страхов Н. Н. Философские очерки. 2-е изд. Киев : И. П. Матченко, 1906. С. 405–414.

Страхов Н. Н. Мир как целое / предисл., коммент. Н. П. Ильина (Мальчевского). М. : Айрис-пресс : Айрис-дидактика, 2007.

Об авторах

Павел Анатольевич Ольхов, доктор философских наук, доцент, Институт логики, когнитологии и развития личности, Москва, Россия.

E-mail: olkhov@bsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5509-4444>

Елена Николаевна Мотовникова, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

E-mail: motovnikova@bsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4899-0942>

Лариса Евгеньевна Кускова, Институт логики, когнитологии и развития личности, Москва, Россия.

E-mail: kuskova1902@bk.ru

Для цитирования:

Ольхов П. А., Мотовникова Е. Н., Кускова Л. Е. И. Кант в разговорах и размышлениях Н. Н. Страхова // Кантовский сборник. 2023. Т. 42, № 4. С. 69–85.

doi: [10.5922/0207-6918-2023-4-4](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2023-4-4)

© Ольхов П. А., Мотовникова Е. Н., Кускова Л. Е., 2023.

Vvedensky, A. I., 1896. The Significance of the Philosophical Activity of N. N. Strakhov. *Obrazovanie* [Education], 3, sec. 2, pp. 1-8. (In Rus.)

Windelband, W., 1895. *Filosofiya Kanta: (Iz istorii novoj filosofii Windelbanda)* [Philosophy of Kant: (From the History of Windelband's New Philosophy)]. Translated from German by N. Platonov, Introduction by A. I. Vvedensky. St. Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The authors

Prof. Dr Pavel A. Olkhov, Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality, Moscow, Russia.

E-mail: olkhov@bsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5509-4444>

Prof. Dr Elena N. Motovnikova, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

E-mail: motovnikova@bsu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4899-0942>

Larisa E. Kuskova, Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality, Moscow, Russia.

E-mail: kuskova1902@bk.ru

To cite this article:

Olkhov, P. A., Motovnikova, E. N. and Kuskova, L. E., 2023. Immanuel Kant in the Conversations and Reflections of Nikolay Strakhov. *Kantian Journal*, 42(4), pp. 69-85.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2023-4-4>

© Olkhov P. A., Motovnikova E. N., Kuskova L. E., 2023.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))